

предки, которую запечатлели кровью своей наши мученики? Разве это не Божие чудо? Какое еще чудо нужно? И ведь веру мы храним не потому, что кто-то поразил наше воображение, не потому, что обладаем некоей особой сверхъестественной силой, — мы обычные люди, — но храним веру именно потому, что наш внутренний опыт свидетельствует о действенности, о реальности веры. Мы сталкиваемся с присутствием Божиим в своей собственной жизни, в большом и малом, — в ответе на нашу молитву, в радостном биении сердца посреди разочарования и пессимизма. Мы верим в Бога, становимся сильнее и чувствуем эту силу, которая, подобно мощному ветру, надувает наш жизненный парус и двигает вперед.

Видимо, до скончания человеческой истории будут оставаться нерешенными проблемы и вопросы, связанные с религиозной жизнью человека. До скончания века будут те, кто верит, и те, кто не верит, требуя чуда. Но то, что запечатлено в Евангелии, является великим аргументом, подлинным основанием для того, чтобы открыть свое сердце навстречу Богу. Богу, Который не нарушает физических законов, чтобы поразить человеческое воображение. Богу, Который не вторгается в жизнь человека, чтобы немедленно вершить Свой суд, наказывая грешников и поощряя праведников. Богу, Который не ограждает верующего от искушений, скорбей и испытаний, потому что Он Сам прошел через эти искушения, скорби и испытания. Богу, Который в ответ на нашу веру и молитву дает великую духовную силу, наполняя жизнь смыслом, открывая перспективу вечности, а через эту перспективу актуализируя в человеческой жизни самые высокие и великие идеалы, которые, собственно говоря, и отличают человека от всего другого, что есть во вселенной.

Пусть память о святой мученице Татиане, которая без всякого чуда сохранила веру во Христа, поможет и нам, сомневающимся, в тот момент, когда мы захотим попросить или потребовать у Бога чуда или, что чаще бывает, потребовать от Бога распорядиться историей или жизненными обстоятельствами так, как нам кажется, нужно было бы распорядиться. Пусть в этот самый момент нас посетит воспоминание и об испытаниях Спасителя в пустыне, и о замечательном жизненном подвиге святой мученицы Татианы, ставшей как бы по случаю, но, несомненно, по воле Божией покровительницей российского студенчества. Аминь.

№ 20

2014

январь

ТРОИЦКИЙ ЛИСТОК

**Проповедь Святейшего Патриарха
Кирилла 25 января 2014 года,
в день памяти мученицы Татианы
и с нею в Риме пострадавших
в домовом храме святой мученицы
Татианы при МГУ имени
М. В. Ломоносова**

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Мы только что прослушали отрывок из Евангелия Матфея, где повествуется об искушениях Спасителя диаволом на горе вблизи города Иерихона в завершение Его 40-дневного поста (Мф. 4:1–7). Этим постом Спаситель приготавливал Себя к общественному служению. Пост был очень суровым — Он 40 дней не вкушал пищу, и по Своей человеческой природе Он почувствовал сильнейший приступ голода, как пишет об этом евангелист, «Он взалкал». И явился Ему сатана и предложил сделать из камней хлеб: «Если ты — Сын Божий, если ты претендуешь на то, чтобы идти после пребывания в пустыне к народу и возвещать ему от Своего имени некие истины, сотвори чудо, сделай из камней хлеб». И Господь отвергает это искушение пищей и чудом, произнося слова, ставшие нарицательными: «Не хлебом единым жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих».

Второе искушение похоже на первое. Дьявол восхищает Спасителя, ставит Его на крышу Иерусалимского храма и говорит: «Сбросься вниз, яви Свое могущество». Господь отвергает и это искушение. И, наконец, последнее: показывая Спасителю все царства мира, сатана говорит: «Поклонись мне, и я дам тебе власть над всеми ними», — уверенный в том, что он такую власть над миром имеет. Но Господь отрекается от этой власти и говорит, что одному Богу следует поклоняться.

Это великие слова Евангелия. Потому что искушения пищей, материальными благами, чудом и властью присутствуют не только в жизни великих людей. Они присутствуют в жизни каждого человека. В каком-то смысле это главные искушения, с которыми человек сталкивается, живя в мире; и, может быть, в этих трех искушениях особенно выпукло представлена идея чуда — чуда как доказательства истины, чуда как способа убеждения, чуда как способа формирования мыслей человека, его убеждений и мировоззрения. Господь отказывается от этого средства. Он не желает из камней делать хлеб. Он не желает Своей Божественной силой, бросившись в пропасть, сохранить Свою жизнь. Он не желает чудесным образом, от некоей силы дьявольской, получить власть над миром. Он отказывается от силы чуда.

Наверное, каждый, кто читал Евангелие, скажет: «Подождите, но ведь больше всего в Евангелии говорится о чудесах Божиих, о чудесах, которые Спаситель являл людям. Он исцелял, кормил, Он воскрешал из мертвых, — это ли не чудо?» Да, Господь совершал эти чудеса, но Он не совершал их для того, чтобы поразить людей и детерминировать свободный выбор. Он не совершал эти чудеса, чтобы превращать людей в рабов. Он не совершал эти чудеса, чтобы, поражая воображение, лишить человека возможности идти иным путем, если он того захочет. Господь совершал чудеса, только движимый любовью к людям, — это были не фокусы, поражающие сознание, это были добрые дела.

И вот что удивительно. Эти чудеса на какое-то мгновение, конечно, поражали тех, кто был их свидетелем, но не производили того впечатления, которое, казалось бы, должны были производить. Вплоть до самого ареста и допроса у первосвященника к Спасителю все время обращаются с требованием: «Яви чудо, докажи, что Ты Сын Божий». Даже когда Он стоит на допросе, лишенный всякой

человеческой силы, от Него требуют чуда; даже когда Он распят на кресте, Ему говорят: «Сойди с креста, и тогда уверуем». Как будто мало было воскрешения четверодневного Лазаря, как будто мало было исцеления прокаженных, слепых, глухих, бесноватых, — все забыто! Никакого впечатления те чудеса на людей не произвели, — им было нужно новое чудо и новое доказательство, которое, конечно, ничего бы не доказало...

Мы сегодня празднуем память замечательной святой — мученицы Татианы. Может быть, и она просила Господа о чуде, когда ее, молодую девушку, схватили и жестоко терзали. Ведь ей было больно, смертельно больно. Взрослые люди издевались над почти ребенком, терзая плоть и вырывая согласие на то, чтобы она предала свою веру. Ей было физически больно, как было голодно Спасителю, как Ему было больно, когда Его били или пригвождали ко кресту. Наверное, кто-то из наблюдавших говорил: «Ну, где же справедливость? В такого Бога я точно не верю. Как Он допускает, чтобы во имя Его терзали этого ребенка? Почему Он не пошлет сейчас легион ангелов, чтобы разметать этих легионеров, тех, кто руками своими прикасался к святому телу младенца и рвал его буквально на части?»

Не был послан легион ангелов — как и там, в Гефсиманском саду, как и там, на допросе у первосвященника и у Пилата, как и там, на страшной Голгофе. Ничего не изменилось — до сих пор, для того чтобы поверить в Бога, люди требуют чуда. Совершаются чудеса каждый день — не верим, не те чудеса, сомневаемся: совершаются они или нет. Сотни тысяч людей стоят в очереди, чтобы прикоснуться к святыне, потому что реально получают помощь и потом свидетельствуют об этом — не верим, не то чудо.

Как сказал Господь ученикам Своим, если даже мертвые воскреснут, не поверят (см. Лк. 16:31). Чудо не столько отменяет физические законы, сколько по воле Божией приостанавливает их, влияя на течение естественных процессов, так что происходит исцеление от болезни или даже возвращение умерших к жизни. Но чудо в руках Божиих не является силой, которую Бог использует для обращения людей к вере. Он дает нам чудо по Своей любви к нам, Он отвечает чудом на нашу молитву.

А разве не чудо, что сейчас, в XXI веке, мы все собраны здесь, в нескольких метрах от Кремля, на площадке Московского университета, — люди, объединенные одной верой, которую пронесли наши